

ЕКАТЕРИНА ЛЯМИНА

ОБ ОДНОМ "ЖАНРОВОМ СЛЕДЕ" В "ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ"

Вопрос, вынесенный в название предлагаемой заметки, обозначился (в иных, разумеется, формулировках) еще до выхода первой главы "Онегина" в свет. В кратком устном отзыве, дошедшем до нас к тому же в передаче самого Пушкина: «Не верь Н. Раевскому, который бранит его <"Онегина"> – он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал» [Пушкин 1937–1949: XIII, 87'] – примечательны и зазор между ожидавшимся и услышанным, и двоящееся указание: на жанр ("сатира") и одновременно тон ("цинизм"). Несогласие с мнением приятеля, однако, не помешало Пушкину ввести упомянутые параметры в Предисловие к первой главе (напечатано вместе с ней в начале февраля 1825 г.): себя он относил к "сатирическим писателям" [Там же: VI, 638], а "глубокая, хотя и скрытая ирония", по мнению исследователя, принадлежит к базовым характеристикам этого небольшого текста [Лотман 1983: 118]. Продолжая игру с читателями, в том числе и прежде всего с наиболее внимательными, Пушкин затем вновь принялся отрицать наличие сатирического начала в "Онегине" и даже сетовал на собственную якобы оплошность: «Ты говоришь о сатире англичанина Байрона <в "Дон Жуане"> и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! – отвечал он А.А. Бестужеву. – Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в *Евг. Он.* У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен...» [Пушкин 1937–1949: XIII, 155; письмо от 24 марта 1825].

Провокативная уклончивость этого пассажа бросается в глаза. Чего, собственно, нет в "Онегине": всепроникающей ироничности байроновой поэмы? объявленного в Предисловии "шуточного описания нравов"? И что должно стать очевиднее с выходом "других песен": отсутствие сатиры в первой главе? или, наоборот, ее наличие там и самостоятельность этой главы как чего-то, согласно Предисловию, "целого", заключающего в себе "описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года"? Ю.М. Лотман, напомним, считал, что Онегин, задуманный как сатирический персонаж, на протяжении первой главы «то приближается к идеалу "умного человека", то сливается с полярно противоположным ему типом "светского молодого

человека"» и лишь в конце ее превращается в героя, сближенного с автором [Лотман 1983:139; Лотман 1975: 30-31].

Отдавая должное глубине этого суждения, рискнем оспорить тезис о "полярированной противоположности" названных типов – не столько в России конца 1810-х – начала 1820-х гг., сколько в значимом для литературной типологии тексте, содержащем и другие параметры, для "первой песни" "Онегина" существенные.

В 1923 г. в небольшой статье "К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина", В.И. Резанов процитировал в общей сложности 89 строк из 129-строчной сатиры Вольтера "Le Mondain", обрисовав «еще одну параллель к "Евгению Онегину"» [Резанов 1923: 71-77]. Подробно разбирать приведенный материал он не стал, ограничившись замечанием о "некоторой внутренней связи I-й главы" романа и "названной сатиры": "кажется, что характеристика петербургской рассеянной жизни Онегина создавалась под известным литературным воздействием" вольтеровского текста.

Несмотря на резонанс постановки вопроса и, по меньшей мере, выразительность приведенных фрагментов², наблюдения ученого, пусть даже в качестве объекта полемики, остались за истекшие годы едва востребованными. В комментарии Набокова они не упомянуты; П.Р. Заборов отозвался о них, в сопоставлении с известными этюдами Н.О. Лернера, как о "менее убедительных" [Заборов 1978: 179, примеч. 51] – не приводя, впрочем, аргументов. Ю.М. Лотман в своем комментарии коснулся отмеченной Резановым параллели, но коротко и без прямой отсылки к его работе: «Кабинет Онегина описан в традициях сатиры XVIII в. против щеголей (Лукин, Новиков, Страхов и др.), но включает и отзвуки одновременно иронического и сочувственного изображения быта щеголя в стихотворении Вольтера "Светский человек". Вольтер, в противоположность Руссо, видит в роскоши положительный результат успехов цивилизации» [Лотман 1983: 153]. В суммирующем исследовательскую традицию обзоре статья Резанова не отражена [Томашевский, Вольперт 2004: 85-89].

В том, что "Le Mondain" (1736; далее – *M*) входил в круг пушкинского чтения, усомниться трудно. Эту сатиру, сочиненную, как утверждала со слов автора г-жа дю Шатле, "в почтовой карете" по пути из Парижа в Сире (близ границы с Лотарингией)³, можно отнести к вольтеровским произведениям "первого ряда известности", прежде всего из-за содержания и тона, которые к тому же наделали шума⁴. Авторские отзывы о *M* располагаются в диапазоне от нарочито легковесных: "plaisanterie" ("шутка"), "badinage innocent" ("невинная веселость") – до более соответствующего действительности "libertin" [цит. по: *CW*: 278, 275-276]. Что касается публики, то многие были "скандализованы апологией порока [т. е. роскоши] и отталкивающим изображением наших прауродителей" ("on a été scandalisé de l'apologie qu'il y fait du vice et du portrait hideux de nos premiers parents" [Там же: 275])⁵.

Вторая часть этого обвинения имеет в виду, выражаясь анахронистически, репутацию идей о естественном человеке, предпринятую Вольтером почти за двадцать лет до того, как эти идеи были сформулированы Руссо. Адам и Ева в их естественном состоянии не только бесприютны, нищи и потому невежественны: "Nos bons aïeux vivaient dans l'innocence⁶, / Ne connaissant ni le *tien*, ni le *mien*; / Qu'auraient-ils pu connaitre? Ils n'avaient rien" [CW: 296-297]. Они вдобавок нечистоплотны: "... vous aviez tous deux / Les ongles longs, un peu noirs et crasseux; / La chevelure assez mal ordonnée, / Le teint bruni, la peau bise et tannée"⁷ – следовательно, не знают любви: "Sans propreté l'amour le plus heureux / N'est plus l'amour; c'est un besoin honteux"⁸, а скудость их стола сравнима лишь с унылым однообразием времяпрепровождения. Резюмировав эту картину ироническим "Voilà l'état de pure nature"⁹, Вольтер далее рисует "ход дней" человека современного и светского; к этой части сатиры мы вернемся чуть позже.

М в очередной раз обострил отношения Вольтера с властями (после выдачи парижским парламентом ордера на его арест в связи с публикацией "Философских писем" не прошло и двух лет). Осенью 1736 г. одна из копий *М* оказалась за пределами дружеского круга, что привело к лавинообразному росту числа списков. Генерал-лейтенант полиции Р. Эро уведомил автора, что в случае появления сатиры в печати ему не избежать тюрьмы, и тот, решив не рисковать и распустив слух о своем отъезде в Потсдам, направился в Голландию. Скандал, впрочем, утих довольно быстро, и к концу февраля Вольтер уже возвратился в Сире.

В последовавшие за обнародованием *М* несколько месяцев он присоединил к сатире цепочку текстов-спутников. "Défense du *Mondain* ou L'Apologie du luxe" ("В защиту *Le Mondain*, или Апология роскоши"; далее – *D*) суммирует основные претензии к сатире и содержит ответ на них. Первая треть стихотворения решена как разговор автора со священником, который сулит Вольтеру адские муки за персифляцию Священной истории и эдемской простоты, в особенности за упоминание о ногтях Адама и Евы, небезупречных еще до грехопадения: "Vous avez dit <...> Qu'ils avaient même, avant d'être déçus, / La peau tannée et les ongles crochus. <...> / Par quoi, mon fils, votre muse pollue / Sera rôtie, et c'est chose conclue"¹⁰. Строгий судья сидит при этом за изысканно сервированным столом ("La porcelaine, et la frêle beauté / De cet émail à la Chine empâté <...> Cet argent fin, ciselé, godronné"¹¹) и после обеда из пяти блюд смакует канарское десертное вино "d'ambre coloré" ("янтарного цвета" – скорее всего, прославленную мальвазию) и кофе. Указав своему оппоненту на то, что он сам вовлечен в цикл производства и потребления дорогих продуктов и товаров ("Tout l'univers a travaillé pour vous"¹²), автор далее на примерах из древней и новой истории¹³ эксплицирует необходимость индустрии роскоши и ее неизбежно глобализационный характер.

Такой текст мог претендовать на внимание авторитетных ученых, и Вольтер конструирует второе звено цепочки – "Lettre de M. de Melon, ci-devant

secrétaire du régent du royaume, à madame la comtesse de Verrue sur *l'Apologie du luxe*", якобы вышедшее из-под пера Ж.-Ф. Мелона, который в свое время был личным секретарем регента, герцога Орлеанского (а до него – Джона Ло). Трактат Мелона "Политический опыт о торговле" ("Essai politique sur le commerce", 1734), во многом предвосхитивший идеи физиократов и Адама Смита, стал одной из важнейших реплик в "споре о роскоши" 1720-1730-х гг., в контексте которого принято рассматривать и *M*, и его "продолжения"¹⁴. Высоко оценив "Апологию..." ("une excellente leçon de politique cachée sous un badinage agréable"¹⁵), "Мелон" далее иллюстрирует ее тезисы примером, несомненно близким подобранному Вольтером адресату – графине де Веррю, известной покровительнице искусств и хозяйке аристократического салона (умерла в ноябре 1736 г.): "Combien de familles de Paris subsistent uniquement par la protection que vous donnez aux arts? Que l'on cesse d'aimer les tableaux, les estampes, les curiosités en toute sorte de genre; voila vingt mille hommes, au moins, ruinés tout d'un coup dans Paris..." ("Сколько парижских семейств не умирают с голоду только благодаря покровительству, которое вы оказываете искусствам? Перестанем любить картины, эстампы, всяческие редкости, и в Париже одним махом будут разорены двадцать тысяч человек..." [CW: 310]).

По-видимому, последним было сочинено "Sur l'usage de la vie. Pour répondre aux critiques qu'on avait faites du *Mondain*" ("О том, как пользоваться жизнью. Ответ на критики, сделанные на *Mondain*"). И форма (семисложник с прихотливой рифмовкой, в отличие от десятисложника с цезурой после четвертого слога и преимущественно парными рифмами в *M* и *D* и прозаического "письма Мелона"), и содержание (совет не выходить в удовольствиях за пределы умеренности, ибо изобилие не спасает от скуки, "ennui") позволяют рассматривать его как ироническую пуанту, свертывающую противоречия и переключающую внимание с экономических теорий на традиционные ресурсы поэзии fugitive: "Jouissez donc de la vie, / Soit dans l'adversité / Elle parait avilie" ("Итак, наслаждайтесь жизнью, / Даже если в превратностях судьбы / Она кажется ничтожной"); "...dans l'ennui qui m'accable, / Si mes amis sont heureux, / Je serai moins misérable" ("...в гнетущей меня тоске / Я буду менее жалок, / Если мои друзья будут счастливы" [CW: 312-313]).

В подавляющем большинстве прижизненных изданий, в том числе тех, что готовились под наблюдением Вольтера, перечисленные тексты (за вычетом "Sur l'usage de la vie", опубликованного лишь в 1767 г.) поданы в виде корпуса, в соответствии с первым примечанием автора к *M*: "Cette pièce est de 1736. C'est un badinage, dont le fonds est très philosophique et très utile; son utilité se trouve expliquée dans la pièce suivante. Voyez aussi la lettre de M. Melon à Madame la Comtesse de Verrue" ("Писано в 1736 г. Это забавная шутка, в основе своей весьма философическая и полезная; польза ее разъясняется в следующем стихотворении. См. также письмо г. Мелона к графине де Веррю" [CW: 295])¹⁶.

В ходе работы над первой главой "Онегина" (и дальнейших размышлений над тем, какой вид она должна иметь в печати) *М*, на многих уровнях связанный со своими разножанровыми "спутниками"¹⁷ и образующий вместе с ними некоторое единство, мог занимать Пушкина и в этом ракурсе. Под предельно лаконичной обложкой ("Евгений / Онегин / Санктпетербург / 1825") находился ряд сложным образом соотнесенных текстов: 1) Однострочное посвящение брату (с. V); 2) Предисловие (с. VII-VIII); 3) "Разговор книгопродавца с поэтом" (с. X-XXII); 4) "Глава первая" (с. 1-49); 5) "Примечания к Евгению Онегину" (с. 51-59). Стоит отметить, что шесть примечаний, в несколько приемов присоединенные Вольтером к сатире, или касаются истории текста (одно из них см. выше) и опалы, едва не постигшей автора, или разъясняют, иногда не без иронии, черты повседневности "светского человека". Так, строке "Martialo n'est point du siècle d'or" ("О Марсиало в золотом веке не слыхивали") сопутствует указание: "L'auteur du cuisinier français" [CW: 297]¹⁸, а звездочка у строки "Il faut se rendre à ce palais magique"¹⁹, вводящей описание театра как синтетического искусства [CW: 301], отсылает к краткому "L'Opéra".

За упоминанием Вольтера в черновиках Предисловия: "...достоинство, еще редкое в сатирическом писателе: наблюдение строгой благорстойности в шуточном описании нравов. Ювенал, Петрон, Вольтер и Байрон – далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу" [Пушкин 1937-1949: VI, 528] – по-видимому, стоит не только отмеченная параллель с предисловием к "Орлеанской девственнице" [Лютман 1983: 138], но и осведомленность Пушкина о скандале вокруг *М*. "Шуточное описание нравов", в свете сказанного выше, скорее подразумевает эту сатиру с детально прорисованными створками оппозиции "жизнь в Эдеме" vs "жизнь в свете", чем сложное здание "Rucelle". Из окончательного текста процитированный фрагмент выпал, вероятно, и потому, что в сочетании с характеристиками первой главы: "начало большого стихотворения", "нечто целое", "описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года" – он мог выглядеть излишне прямым (и вдобавок тянущим за собой иную эпоху, что не согласовалось бы с установкой на четкую временную приуроченность) сообщением о *М* как об одной из составляющих контекстного фона. Пушкин предпочел заявить о переключке с "Беппо", и этот ход себя оправдал: вопрос о "байроничности" романа, как известно, оказался в обсуждении первой главы едва ли не важнейшим.

Черновое определение героя как "молодого русского дворянина" [Пушкин 1937-1949: VI, 528] до известной степени коррелирует с вопросом, на который отвечает вторая часть *М*: "Soit à Paris, soit dans Londres, ou dans Rome / Quel est le train des jours d'un honnête homme?" [CW: 299]²⁰. *М*, однако, отразил иной тип городской светскости и щегольства: в "honnête homme"²¹ ошутим и пафос аристократического утверждения приоритета частной жизни в противовес придворной, и энергия буржуазного рывка к дворянскому *modus vivendi*,

Вольтеру близкая биографически²². Герой сатиры выезжает в город из наполненного первоклассными произведениями искусства (среди них картины Корреджо и Пуссена, скульптуры Бушардона, ювелирные изделия Жермена и ковры, произведенные непосредственно на фабрике Гобеленов) особняка с прилегающим к нему садом, где бьют фонтаны. Собственный, превосходного качества экипаж везет его сначала "au bain" (ванное заведение с функциями косметического салона²³), где "изысканнейшие благовония / Делают его кожу более свежей и гладкой" ("...les parfums les plus doux / Rendent sa peau plus fraîche et plus polie"), оттуда – на свидания с актрисами первого ряда: "Chez Camargo, chez Gaussin, chez Julie / Le tendre amour l'enivre de faveurs" [CW: 300-301]²⁴ и наконец ужинать.

Прямое сравнение, таким образом, явилось бы не вполне корректным. Быт Онегина связан со следующим этапом развития индустрии роскоши – почти массовым производством и потреблением широкого круга товаров. Кроме того, он очерчен куда более противоречиво; распорядок его изложен в деталях, но имущественные и социальные основы, разнесенные по разным пластам повествования, не складываются в целостную картину. Пушкин реагирует в *М* на сохранивший активность жанровый и структурный потенциал, востребуя его при описании дня петербургского денди²⁵, и на опорные точки экономического и социального аспектов.

Отсюда, с одной стороны, подчеркнутая мобильность героя, который в принципе не связан никакими обязанностями²⁶ и всецело принадлежит себе, и скорость его перемещений, достигающая максимума в полете пробки²⁷: "куда ж поскочет?"; "едет на бульвар"; "к *Talon* помчался"; "полетел к театру"; "домой одеться едет он"; "стремглав <...> поскакал"; "стрелой / Взлетел по мраморным ступеням". Ср.: "un char commode <...> / Par deux chevaux rapidement traîné"; "il court au bain"; "le plaisir presse, il vole au rendez-vous"; "il va siffler quelque opéra nouveau"²⁸).

С другой – сгущение характерной для *М* лексики и образности вокруг описания онегинского кабинета, центра симметрии строф XV-XXXVI. В "прихоти обильной", взыскующей доставляемых "по Балтийским волнам" английских товаров, различимы смысловые обертоны ставшего афоризмом оксюморона "Le superflu, chose très nécessaire / Réunit l'un et l'autre hémisphère" ("Излишнее [то, в чем нет настоящей потребности], вещь весьма необходимая, / Связует два полушария"; ср. у Баранова: "Излишнее у нас, став вещью полезной, / Свело и сблизило теперь концы земли). В *М* непосредственно за ним следует пассаж о "проворных кораблях": "Voyez-vous par ces agiles vaisseaux, / Qui du Texel, de Londres, de Bordeaux, / S'en vont chercher par un heureux échange, / De nouveaux biens, nés aux sources du Gange?" ("Взгляните на сии плывущи корабли: / Они из Лондона, Текселя²⁹, Лиссабона, / Летят искать вдали, надежды на крилах, / Богатства нового на Ганговых брегах" [Баранов 1797: 137]).

Второму крылатому выражению из *M*: "J'aime le luxe et même la mollesse" ("Я люблю роскошь и даже изнеженное изящество"³⁰; ср.: "Люблю довольствие, и негу, и приятность" [Баранов 1797: 136]) – в той же строфе "Онегина" имеется буквальное соответствие: "для роскоши, для неги модной" (для них, напомним, трудится "в Париже вкус голодной", чья зависимость от просвещенного потребления констатируется в "Письме г-на де Мелона...").

Неудивительно, что в связи с кабинетом Онегина, чье пристрастие к роскоши, если толковать его по Вольтеру, как раз и свидетельствует о врожденном экономическом чутье и философской жилке ("глубокий эконо́м", "философ в осьмнадцать лет"), возникает тема "красы ногтей". А вместе с ней (разумеется, не смещая выдержки о Гримме из "Исповеди" с первого реминисцентного плана) – эхо упомянутых выше колкостей по поводу ногтей первочеты, которое заманчиво было бы расслышать и на фонетическом уровне: "о **красе** ногтей" / "ongles **crasseux**", "ongles **crochus**"³¹.

И "он", и "я" в сатире Вольтера (рассказав о дне *honnête homme* со стороны, повествователь в сцене ужина занимает его место³²) без устали наслаждаются своим образом жизни: "Ce temps profane est tout fait pour mes mœurs", "Ah le bon temps que ce siècle de fer!", "Le lendemain donne d'autres désirs, / D'autres soupers et de nouveaux plaisirs", "Le paradis terrestre est où je suis" (у Баранова: "Сей окаянный век с моим согласен нравом"; "О ты приятнейший и милой век железной"; "А завтра новые утехы зрю себе, / И новы ужины, и новое блаженство"; "Где я теперь живу, там мой и рай земной"). Онегин, едва заканчивается описание его дня (и участок интенсивной пульсации *M*), обнаруживает хандру – исходя из всего сказанного о нем ранее, мотивированную слабо. Современники ощущали здесь границы жанрового следа, интонационный и нарративный шов³³, который, однако, проще было толковать как признак отсутствия в заглавном герое "поэтических форм"³⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Из письма к Л.С. Пушкину (вторая половина января – начало февраля 1824; к этому времени были написаны первая и вторая главы).
- ² Напомним одну из выписок: "...un vin d'Aï dont la mousse pressée, / De la bouteille avec force élançée, / Comme un éclair fait voler le bouchon; / Il part, on rit; il frappe le plafond" [Резанов 1923: 75]. Ср. перевод Д.О. Баранова (цитаты из "Le Mondain" мы будем сопровождать выдержками в основном из этого перевода): "Нектар, которого стесненный дух и пена, / Со треском свободясь, обрызгивая всех, / Звездами, искрами, шипя, летят из плена. / Все вздрогнули смеясь – и пропка скачет вверх!" [Баранов 1797: 145].
- ³ "Une petite pièce que votre ami a faite dans sa chaise de poste en revenant ici" [цит. по: CW: 273].
- ⁴ Эпизод с *M* излагается во многих популярных биографиях Вольтера; см., например: *Durand R.-J. Histoire littéraire et philosophique de Voltaire*. Paris, 1818. P. 84;

Mazure F.-A.-J. Vie de Voltaire. Paris, 1821. P. 47-48; Paillet de Warcy L. Histoire de la vie et des ouvrages de Voltaire... Paris, 1824. T. I. P. 62-64.

5. Подробнее о впечатлениях, а также полемических выпадах современников см. преамбулу к тексту *M* в оксфордском собрании сочинений Вольтера [CW: 273-274, 278], а также: *Mason H.T. Voltaire's poems on luxury // Essays presented to John Lough, ed. D. J. Mossop et al. Durham, 1978. P. 108-122.*
6. В большинстве прижизненных изданий [сводку см.: CW: 296], вместо "innocence" – "ignorance", что нашло отражение в переводе: "Тогда в невежестве все люди обитали; / Они различия меж *твоей* и *моей* не знали: / Но лезь ли знать его, где собственности нет?" [Баранов 1797: 138]. Строка "Ne connaissant ni le *tien*, ni le *mien*" упомянута, в числе других обработок этой формулы (возможно, знакомых Пушкину – автору *bilingua* "Твоей и мой" / "Tien-et-mien, dit Lafontaine", 1816), Б.В. Томашевским в статье "Пушкин и Лафонтен" (Временник Пушкинской комиссии. 3. М.; Л., 1937. С. 220-221).
7. "Все лица смуглые, все грубые черты; / Тупей всклокоченной, взор дикой, безобразный, / А ногти длинные, замаранны и грязны" [Баранов 1797: 140].
8. "Где нет опрятности, любви там нежна власть / Уж будет не любовь, постыдная лишь страсть" [Там же].
9. "Вот состояние невинныя природы" [Там же: 141].
10. Перевод: "Вы говорили [...] что даже когда они еще не пали, / Их кожа была смуглой, а ногти напоминали когти... / За сие, сын мой, нечистая муза ваша / Будет поджарена, это дело решенное" [CW: 304-305].
11. Перевод: "Фарфор, и хрупкая красота / Обливной эмали в китайском вкусе <...> / Серебро тонкой чеканки, с рельефным орнаментом" [Там же: 305].
12. Перевод: "Все мироздание трудилось для вас" [Там же: 306].
13. В частности, Кольбер "умел посредством роскоши обогатить наше государство <...> И с Юга, Востока и Севера / Наши гордые соседи, завидуя нашим успехам, / Платили за ум, которым они в нас восторгались" ("Sut par le luxe enrichir notre Etat <...> / Et du Midi, du Levant et de l'Ourse, / Nos fiers voisins, de nos progrès jaloux, / Puyaient l'esprit qu'ils admiraient en nous" [CW: 308]). В письме к принцу прусскому Фридриху (ок. 10 января 1737) Вольтер рекомендовал свое новое произведение как "краткий очерк светской морали, где я не без веселости стремлюсь доказать, что роскошь, великолепие, пышные празднества, изящные искусства, все, что создает блеск всякого государства, – все это в то же время составляет его богатство <...> Думаю, что государство можно обогащать, доставляя его подданным немало удовольствия" ("un petit essai de morale mondaine où je tache de prouver avec quelque gaieté que le luxe, la magnificence, les galas, tous les beaux-arts, tout ce qui fait la splendeur d'un état en fait la richesse <...> Je crois qu'on peut enrichir un état en donnant beaucoup de plaisir à ses sujets" [цит. по: CW: 281]).
14. Касательно "спора о роскоши" см. прежде всего: *Morize A. L'Apologie du luxe au XVIIIe siècle et 'Le Mondain' de Voltaire. Paris, 1909 (или репринт: Genève, 1970).*
15. Перевод: "превосходный урок политики под маскою приятной веселости" [CW: 310].
16. Части цикла, впрочем, какое-то время сохраняли подвижность: в IV-м томе амстердамского издания Леде (1739) они образуют последовательность *D* – "Lettre de M. de Melon..." – *M* (первые два текста впервые напечатаны здесь), но уже в

- женевском издании Буске (т. V; 1742) цепочку открывает *M*. В этом издании (а также дрезденском десятитомном 1748-1752 гг.) за ним идут *D* и "Lettre...", однако во всех последующих, в том числе кельнском, расположение неизменно: *M* – "Lettre..." – *D*. Начиная с женевско-парижского тридцатитомника "Collection complete des œuvres de M. de Voltaire" (1768-1777) вместе с ними, как правило, печатается "Sur l'usage de la vie".
- ¹⁷ Обзор, пусть даже краткий, параллелей к *M* в иных сочинениях Вольтера (хотя бы в "Discours en vers sur l'homme", 1734-1737) не входит в задачи данной заметки.
- ¹⁸ Любопытно, что в одном из первых изданий *M* это примечание выглядело как "Fameux cuisinier" ("Известный повар"). Упоминаемый персонаж – Франсуа Массиало (Massialot), автор ряда сочинений по кулинарии, в том числе книги "Le Cuisinier royal et bourgeois" (1691).
- ¹⁹ "Или спешит узреть волшебную страну" [Баранов 1797: 144]. "Волшебная страна" как эквивалент "palais magique" и ряд иных схождений (в частности, передача оригинального заглавия строкой четырехстопного ямба: "Любитель нынешнего света") позволяют предполагать, что Пушкину был известен перевод Баранова. Не без дерзости (учитывая рискованное сочетание эпохи публикации с автором и предметом, пусть даже Эдем заменен на "наших праотцев <...> счастливы <e> сад <ы>") включенный Карамзиным во вторую книжку "Аонид", он впоследствии распространился в списках [Заборов 1967: 207] и перепечатывался в антологиях, которые быстро, хотя и не без скандалов, обрели статус классических – в "Собрании русских стихотворений" Жуковского (Ч. 4. М., 1811. С. 87-92) и в "Пантеоне русской поэзии" П.А. Никольского (Ч. 4. Кн. 7. СПб., 1815. С. 60-66). (Пользуемся случаем скорректировать утверждение о полной идентичности этих трех публикаций [Заборов 1978: 100] – перепечатки Жуковского и Никольского имеют существенные различия с текстом "Аонид".)
- ²⁰ "В Париже, Лондоне, Москве или Мадрите / Вот как проводит век всяк честной человек" [Баранов 1797: 141].
- ²¹ Об эволюции понятия см. [Неклюдова 2008: 50-70].
- ²² Как раз в это время он вплотную занимался реконструкцией замка в Сире, что дополнительно стимулировало его интерес к темам роскоши, комфорта и вкуса.
- ²³ По наблюдениям Ж. Вигарелло, в связи с чрезвычайно высокими ценами такие заведения и существовали позже, в 1760-е гг. оставались "частью элитарного бытового уклада" [Vigarello 1985: 116].
- ²⁴ Перевод: "У Камарго, У Госсен, у Жюли / Нежная любовь кружит ему голову знаками благосклонности". Упомянуты балерина Камарго (Мари-Анн Кюпи) и блиставшая в "Заире" Жанна Госсен. Интересно, что Баранов тему связи с актрисами снимает вовсе; его "любитель света" "скачет в час свиданья своего / К приятной Катеньке, к Парисе, к Каролине" [Баранов 1797: 144].
- ²⁵ В связи с "историей дня светского франта" как "отдельной сатирической темой" Лотман называет "Послание к петербургскому жителю" Я.Н. Толстого (опубл. 1821; к числу потенциальных источников первой главы впервые отнесено в: [Модзалевский 1899: 17-19]). "День щеголя" и проекция интересов бонвивана "в своеобразную геоэкономическую плоскость" как классические топосы сатиры описаны в фундаментальном труде Ю. К. Щеглова "Антиох Кантемир и стихотворная са-

- тира" (СПб., 2004. С.142-146). Впрочем, среди привлекаемых ученым текстов, эти топоры развивающих, и *М*, и "Евгений Онегин" отсутствуют.
- ²⁶ О нетривиальной (а точнее, практически неправдоподобной) для эпохи "внекарьерности" Онегина см. прежде всего [Лотман 1983: 49-52].
- ²⁷ Физические характеристики этого движения см., например: *Забозлаева Т.Б.* Шампанское в русской культуре. СПб., 2007. С. 285.
- ²⁸ Перевод: "удобную карету <...> / Быстро увлекуют две лошади"; "он мчится в бани"; "наслаждение торопит, он летит на свидание"; "он едет освистывать новую оперу". Ср.: "В карете щегольской <...> / Мчат лошади его"; "Не в баню ль едет он?"; "Оттоль он скачет в час свиданья своего"; "Он новой оперой там едет утешаться, / Освистывать Рамо и Глуком восхищаться" [Баранов 1797: 143-145]. Об особенностях передачи Барановым французских реалий сер. 1730-х гг.см. [Заборов 1978: 99-100].
- ²⁹ Тексель – остров в Северном море, у входа в залив Зейдер-Зее.
- ³⁰ Существенно, что "mollesse" в словоупотреблении XVIII в. означало не столько склонность, сколько стиль жизни.
- ³¹ Примечательна также близость аллитерационного рисунка в апофеозе ресторанной сцены: "...и пробка в потолок" – "...il frappe le plafond". В ряде описаний той же картины ("И пробка полетит / До потолка стрелою / И пена зашумит / Сребристую струю" [Д.В. Давыдов, "Другу-повесе", 1815]; "...не терпит плена, / Рвет пробку резвою волной, – / И брызжет радостная пена" [Е.А. Баратынский, "Пир", 1820]; "Вот пробка вырвалась из плена, / Фонтаном бьет седая пена" [В.С. Филимонов, "Обед", 1838]), видимо, сказывается ее привлекательность как объекта ономатопеи.
- ³² Об игре с дистанцированием/сближением автора и протагониста и автобиографизме сатиры см. [СВ: 281-282; Cronk 1999: 62-76].
- ³³ По-видимому, наиболее явный из многих имеющих в тексте. Ср. тонкое соображение О.А. Проскурина: "Персонажи романа в стихах во многом выступают представителями разных поэтических (по преимуществу лирических) жанров. Особенно сложен в этом отношении главный герой, чья биография – колебания между модусами дружеского послания, стихотворной комедии, "байронической" поэмы, шутливой поэмы, рефлексивной элегии" [Проскурин 1999: 148].
- ³⁴ Из письма А.А. Бестужева к Пушкину (9 марта 1825 г.) [Пушкин 1937–1949: XIII, 149].

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов 1797 – *Баранов Д.* Любитель нынешнего света. Перевод из Вольтера // Аониды, или собрание разных, новых стихотворений. Кн. II. М., 1797.
- Заборов 1967 – *Заборов П.Р.* Вольтер в русских переводах XVIII века // Эпоха Просвещения. Л., 1967.
- Заборов 1978 – *Заборов П.Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. Л., 1978.
- Лотман 1975 – *Лотман Ю.М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975.

- Лотман 1983 – *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Изд. 2-е. Л., 1983.
- Модзалевский 1899 – *Модзалевский Б.Л.* Яков Николаевич Толстой: Биографический очерк. СПб., 1899.
- Неклюдова 2008 – *Неклюдова М.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008.
- Пушкин 1937-1949 – *Пушкин.* Полн. собр. соч. [Л.,] 1937-1949. Т. I-XVI.
- Проскурин 1999 – *Проскурин О.А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.
- Резанов 1923 – *Резанов Вл.* К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // Пушкин и его современники. Выпуск XXXVI. Петербург, 1923.
- Томашевский, Вольперт 2004 – *Томашевский Б.В., Вольперт Л.И.* Вольтер // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII–XIX: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии».
- CW – *Le Mondain / Critical edition by Н. Т. Mason // The complete works of Voltaire. Vol. 16: Writings of 1736. Oxford, 2003.*
- Cronk 1999 – *Cronk N.* The epicurean spirit: champagne and the defence of poetry in Voltaire's *Le Mondain* // *Studies on Voltaire and the Eighteenth Century.* № 371. Oxford, 1999.
- Vigarello 1985 – *Vigarello G.* Le propre et le sale. Le hygiène du corps depuis le Moyen Age. Paris, 1985.

ТЫНЯНОВСКИЙ СБОРНИК

выпуск 13

- ДВЕНАДЦАТЫЕ
 - ТРИНАДЦАТЫЕ
 - ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ
- ТЫНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
- ИССЛЕДОВАНИЯ
 - МАТЕРИАЛЫ

УДК 82.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)
Т93

**Издание осуществлено при поддержке фонда «Династия»,
Р.А. Абрамовича и при участии Р.М. Янгирова,
С. Гардзонио, А. Осповата, Е. Погосян и членов редколлегии**

Редколлегия:
М.О. Чудакова (отв. ред.), Е.А. Тоддес, Ю.Г. Цивьян

Редактор выпуска:
Е.А. Тоддес

Т93 Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы – М.: Водолей, 2009. – 680 с.

ISBN 978–5–91763–002–1

Сборник содержит работы и публикации новых материалов по истории литературы XVIII–XXI вв., истории кино, библиографии русских филологов (включая формалистов и «младоформалистов»). Раздел «Филологические мемуары» – традиционный для сборников. Раздел «К истории советского общества» представляет читателю материалы к изучению советского прошлого.

УДК 82.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Технический редактор *А. А. Щадилов*
Корректор *А. Ильина*

Подписано в печать 02.04.09. Формат 60x90/16 Бумага офсетная. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Печ. л. 42,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 257

Издательство «Водолей»
127254, г. Москва, ул. Гончарова, 17-А, кор. 2, к. 23

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

ISBN 978–5–91763–002–1

© Авторы статей, 2009
© Редколлегия, 2009
© «Водолей», оформление, 2009